
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

Любое общество при всей своей относительной замкнутости является системой открытой, то есть всегда и при любых обстоятельствах испытывает на себе воздействие и природной среды, и среды социальной как совокупности экономических, политических и духовных условий существования. Такого рода воздействия складываются в череду социальных изменений, имеющих направленность, траекторию и составляют содержательную сторону понятия *социальная динамика*. Социальная динамика выражает способность общества реагировать на внутренние и внешние изменения с учетом их скорости, различной в разные исторические периоды, в разных социокультурных и технологических условиях. Реакция социальной системы на изменения реализуется в рамках ее адаптативно-адаптирующего характера, в котором проявляется противоречивость человеческой сущности. Парадокс в том, что в отличие от мира природного мир социальный не только адаптируется к среде, но и более активно и целенаправленно меняет ее, однако скорость изменения человеком окружающего мира не всегда соразмерна скорости его приспособления к самим изменениям, то есть человек меняет мир намного быстрее, чем может приспособиться к созданному им же. В итоге рост технологического уровня увеличивает темпы изменений социального мира и актуализирует проблему социально-психологической адаптации.

Сегодня мы уже сталкиваемся с крайне динамичным, нелинейным социумом, описанным в категориях «текущей современности» (З. Бауман), «конца постоянства» (Э. Тоффлер) или «ускользающего мира» (Э. Гидденс). Возникающая ситуация потери равновесия между скоростью социальных трансформаций и скоростью человеческой реакции приобретает характер социального стресса с рядом ярких социально-этических и антропологических проявлений. Подобные трансформации приводят к отказу от прежних приоритетов, к новому взгляду на мир, новому восприятию социального пространства и социального времени (есть общества, актуализирующие прошлое, есть общества, живущие настоящим, а есть общества, утвердившие акцент значимости на будущем). Получается, что в той или иной социокультурной ситуации в рамках собственной модели социального времени человек сам выбирает время, в

котором он живет, то есть лично вырабатывает модель темпоральной политики. И здесь речь идет не только о субъективном времени, которое у каждого человека свое, но и о его интерсубъективном аспекте, то есть о времени групповом¹. С этой точки зрения ориентированность современного социума на будущее естественна, вынуждена, предопределена. Ритм современной жизни не позволяет оглядываться назад так часто, как это было раньше. И человек оказывается в некоем «режиме ожидания».

Если обратиться к темпоральным структурам и сопоставить их с восприятием мира, то можно заметить, что каждый из временных отрезков так или иначе актуализируется в той или иной экзистенции. Например, если печаль напрямую связана с прошлым, с чем-то уже утерянным, то гневу сопутствует параллельное желание действия. Что же касается будущего, то оно часто увеличивает вес такой экзистенции, как страх, ибо последний, по словам Д. Локка, есть «беспокойство души при мысли о будущем зле, которое, вероятно, на нас обрушится»².

Свое обобщение темпоральная направленность, неопределенность и естественный страх опасности получили в рамках содержания «общества риска», которое рассмотрено такими философами, как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман. Конечно, современная традиция дефиниции социальной системы в контексте какого-либо феномена всегда требует уточнения, ибо значимость тех или иных социальных явлений, экзистенциальных проявлений или ресурсов во все времена и во всех обществах имела свой вес. Например, в случае с термином «информационное общество» М. Кастельс замечает, что актуализация информации в рамках дефиниции именно современной социальной системы не связана с большей значимостью информации сейчас, ибо в истории человечества не было общества, в котором информация была бы лишена значимости, важности. Однако в современном обществе количество информации оказалось таким, что стало влиять на качественные характеристики системы, а более конкретно – на ее структурно-функциональные особенности. Именно поэтому термин «информационное общество» в контексте современной дефиниции оказался вполне допустим. Подобная же ситуация складывается в рамках описания социальных характеристик в контексте такого феномена, как риск. В этом случае уже Э. Гидденс замечает, что жизнь наша «не более опасна или связана с риском, чем те, в которых жили предыдущие поколения, но изменился баланс рисков и опасностей. Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более

¹ См. Резник М. Ю. Человек как творец собственного времени (памяти П. К. Гречко) // «Личность. Культура. Общество». 2016, т. XVIII, вып. 1-2 (№ 89-90), с. 253-263.

² Локк Д. Опыт о человеческом разумении // «Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения». М., 1991, с. 338.

серьезны, чем те, которые приходят к нам извне. Некоторые из них носят по-настоящему катастрофический характер, как, например, глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики. Другие куда более непосредственно затрагивают нас лично – например, это риски, связанные с питанием, здоровьем или даже браком»³. Эта ситуация также оправдывает употребление термина «общество риска» применительно к современной социальной организации. Но ради объективности надо заметить, что специфика сегодняшнего риска отлична от того, что угрожало человеку вчера, когда риск был сопряжен исключительно с опасностью. Мы же, вступив в зону опасностей и риска, ориентированы на шанс оптимального использования последнего. Если для большей наглядности вспомнить фрейдовское описание «цивилизованного человека»⁴, променявшего шансы быть счастливым (а именно свободу инстинкта и желания) на безопасность, но не преодолевшего внутреннее противоречие безопасности и свободы, то можно сказать, что в динамизме цивилизации, обусловленном невозможностью их сосуществования и периодической заменой одной из двух другой, нынешний культурно-исторический отрезок антропологически стал временем «порыва», принятия потери безопасности и вступления в зону риска с бесконечным числом альтернатив и возможных результатов.

Итак, человек оказался в децентрализованном, вращающемся мире, динамика которого с одной стороны опасна, с другой – притягательна. Вместе с тем человек понял, что реализация своего шанса возможна лишь при чрезвычайной гибкости и мобильности каждого его действия как отдельной, независимой социальной единицы, как отдельного узла в громадной сети отношений. Прав был З. Бауман, отметив, что наметившаяся тенденция индивидуализации стала своего рода судьбой, а не выбором⁵, стала порождением времени. Но как отдельный человек, так и общество в целом с точки зрения контроля над будущим, ресурсами, ситуацией оказались достаточно уязвимы, ибо в контексте самоуправления, самоопределения и самоутверждения человек предстал не вполне готовым к реализации своего выбора.

Действительно, процесс индивидуализации можно наблюдать во всех сферах общественной жизни: он затрагивает практически все социальные институты. К примеру, церковь, догматизм которой все больше и больше подвергается критике и не воспринимается, а религиозное сознание ориентируется на индивидуальное осмысление жизни и смерти, понимания собственного пути самореализации и обретения счастья. Тот же

³ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004, с. 19.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005, с. 52-53.

⁵ См. там же, с. 59.

процесс индивидуализации наблюдается и в такой социальной группе, как семья. Очевидно, что общество преодолевает «высшее», «сословное» положения мужчины и норм, регулирующих подобную схему отношений. Все больше и больше утверждается независимость в отношениях между родителями и детьми, между супругами. Естественно, что в результате меняется трактовка самих понятий *брак*, *любовь*, *материнство* и *отцовство*. Их, как и все общество, затронула неопределенность и неустойчивость. Причины же трансформаций супружеских отношений разные исследователи обуславливают теми или иными аспектами современной действительности. Например, У. Бек связывает их с независимостью в результате модернизации, приобщившей женщину к образованию и рынку труда, тем самым преодолев ее «традиционный» статус⁶. Э. Тоффлер же больше ориентирован на скорость вращающегося мира и синхронизацию явлений. Он считает, что залог долговечной любви и совместного пути дает «параллельное развитие», которая теряется при нынешнем темпе общественных изменений⁷. В результате синхронизация становится невозможной, статистический шанс на любовь и длительные отношения падает, брак становится серийным, человек же – независимым, но одиноким.

Именно межличностное одиночество становится следующей определяющей характеристикой современной жизни. Многие отмечают парадоксальность данного явления, ибо с точки зрения интенсивности коммуникации современность не имела равных, и кажется, что чем больше нас и чем интенсивнее общение, тем дальше мы от одиночества, но здесь сработал некий эффект обратной реакции, когда в повседневной суете и нелинейности нашей жизни мы растеряли друг друга. Американский писатель Генри Торо уже в XIX веке описал эту универсальную ситуацию, характерную для любой эпохи: «Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат... Мы живем в тесноте и спотыкаемся друг о друга и от этого, мне думается, несколько теряем друг к другу уважение. Для подлинно важного и сердечного общения такая частота не нужна»⁸. Получается, что интенсивность коммуникации и ее разнонаправленность ослабляют ощущение духовной связи с Другим, и оказывается, что при такой частоте «столкновений» единственно центральным субъектом для человека становится он сам. В мире постепенно наступает эпоха приоритета личных интересов, которые при крайней динамике, многообразии и одновременно чрезвычайной кратковременности межличностных отношений способствуют реализации, вероятно, самой заветной мечты человека – свободы с минимальной

⁶ См. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000, с. 72.

⁷ См. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002, с. 124-133.

⁸ Цит. по: Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1997, с. 87.

ответственностью. Таким образом, в силу ряда изменений социально-технологической среды человек стал объектом крайне активных перемен, чрезвычайно активной антропологической динамики. Приписываемые ему в подобной ситуации состояния экзистенциального кризиса, антропологического шока, культурной и эмоциональной дезориентации вполне оправданны, и в центре всех трансформаций, естественно, оказалась ценностная система.

Вопрос системы ценностей чрезвычайно актуален, ибо ценности – тот центральный элемент обозначения системы духовного бытия, который выступает в качестве основного индикатора внутренних ориентиров человека. Именно через систему ценностей можно понять, каково общество и место человека в нем. Особую важность проблема ценностной ориентации приобретает в переходные периоды, каково и настоящее время, толкнувшее человека в ускользающий мир и выдвинувшее задачу его реконструкции. Кажется, что слова Карла Ясперса описывают сегодняшнюю действительность: «Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество»⁹.

Вернувшись к теме жизненных целей, мировоззренческих ориентиров, ценностей, заметим, что философское понимание данного феномена многоаспектно: ценность рассматривается и как идеальный уровень бытия, некий абсолют, никак не являющийся средством, а всегда выступающий целью, и как феномен или норма, содержащая определенную значимость для социального субъекта, и как требование, предъявляемое человеческой воле.

В самом общем смысле можно сказать, что ценности – это система приоритетов, которая в данное время и в данных условиях выполняет оценочную, регулятивную, воспитательную функции, то есть определяет специфику человеческих взаимоотношений. И с этой точки зрения «духовная ситуация времени» актуализирует ту или иную сторону содержания ценностей, тот или иной аспект их восприятия, в результате чего утверждается власть абсолютных или относительных, индивидуальных или общественных, материальных или духовных, положительных или отрицательных установок. И, конечно же, ценности отличаются еще и уровнем, который, в свою очередь, определяется их долговечностью и универсальностью. Каким же с этой точки зрения стал современный человек, носителем чего он является, какова его установка относительно других, каков его аттитюд?

Сегодня мы часто слышим о плюрализме ценностей, о ценностной

⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 399.

относительности и неопределенности, пытаемся найти ответ на вопрос, каковы те мотивационные факторы, которые определяют целеустановки наших действий и поступков. Нас интересует доминирующая природа наших жизненных приоритетов и дальнейшие антропологические тренды в системе ценностного восприятия мира.

Кажется, что описанные выше процессы индивидуализации, независимости и межличностного одиночества указывают на то, что современный человек выбирает отношения ограниченного участия, то есть склонен к дистанцированию. Данное явление, конечно же, существует, однако нельзя сказать, что мы – это «модульный человек»¹⁰ Э. Тоффлера, ограничивающийся в своем восприятии Другого лишь тем или иным частным аспектом его деятельности и строящий свои отношения исключительно по функциональному принципу – в соответствии с тем или иным модулем личности Другого. Модуляризация – это границы, которые мы выстраиваем в отношениях и воспринимаем личность вне целостности, фрагментировано, исключительно в контексте той функции или модуля, который нас интересует. Для индустриального массового общества с его процессом урбанизации эта ситуация вполне объяснима. Многие философы, в частности М. Вебер и Г. Зиммель, высказывали идею о том, что в больших городах люди не могут знать и, соответственно, относиться к своим соседям так, как в небольших сообществах. Кажется, что со временем это отчуждение должно было возрасти и должен был появиться сам Модульный человек. Но с глобализацией современного мира в нашу жизнь вошла и виртуализация, то есть киберпространство с множеством социальных сетей. Интенсивность отношений между людьми возросла, но мы уже оказались в ситуации маклюэновской «глобальной деревни», то есть обратного процесса «сжатия» мира до малых размеров, когда кажется, что все уже друг друга знают. Это знание – особое, специфическое. Благодаря миру виртуального мы для себя открываем крайне «нефункциональные» стороны наших «собеседников». Система технологий, социальные сети стали полем самопрезентации, при которой человек имеет возможность активно создавать собственный, многогранный виртуальный проект, доступный всем. В нашем мире, утверждающем важность и первостепенность человеческого и социального капиталов, это особенно необходимо. Именно здесь, в системе самопрезентаций, наиболее очевидно проявилось требование времени, проглядываемое в доминирующей системе ценностей, которая резко склонилась в сторону самовыражения, сопряженного с творчеством, знанием, инновацией.

Дистанцированность же, скорее, наблюдается не просто в системе восприятия образа Другого, а в действенном отношении, в контексте соучастия, заботы и ответственности. Кажется, что тенденция нравствен-

¹⁰ См. Тоффлер Э., указ. соч., с. 55-68.

ного самоопределения в современном мире все ближе к системе разумного эгоизма, преодолевающего отождествление последнего со злом и склоняющегося к ограничению его содержания темой заботы о собственных интересах. В рамках данного подхода чрезвычайно ярко проявляется утверждение относительности ценностей, переосмысление классического антагонизма «добро – зло», который все больше воспринимается как результат искусственной договоренности, субъективного подхода и сменяется так называемым объективистским подходом, в рамках которого человек в системе своих отношений должен руководствоваться исключительно началом рациональным, направленным на реализацию собственных интересов. Механизм выживания требует от современного человека, чтобы он сам заботился о себе, и с этой точки зрения происходит переосмысление морали как таковой, а также и ее основных понятий – альтруизма и эгоизма. Кажется, что первый все больше воспринимается исключительно как система взаимодействия жертвы и выгоды, получаемой от этой жертвы, а второй – как обоснованное право на пользу, любовь, удачу, жизнь в целом без обязательств перед другими и без жертв в лице других. Фактически снимается утверждение связи существования и долженствования. В основе остается удовольствие и его рационализация, ибо именно механизм «удовольствие – боль»¹¹ определяет ценностный стандарт жизни, которая сама по себе является наивысшей ценностью. Если вспомнить Германа Лотце, который и возвел понятие ценности в ранг философской категории и объявил мир ценностей феноменом, обозначающим достоинство духовного бытия человека, то можно сказать, что из предложенной им изначальной структуры этого феномена изъяты такие критерии, как совесть и мир должного, целью которых было удовольствие, и критерием в самом общем смысле объявлено исключительно последнее – удовольствие, с ориентацией на его рациональное осмысление и обоснование.

Система ценностей – это в первую очередь выбор, который определяет цель, действия и жизненный путь человека. С одной стороны, усложнение социальной организации и повышение технологического уровня требует от человека эмансипации, развития с точки зрения самостоятельности, способности принимать решения и действовать в соответствии с ними, накопления социального и человеческого капиталов, ставших условием благосостояния и качества жизни в современном мире. С другой стороны, этическая ориентация на умение жить исключительно своими интересами значительно смещает традиционные понимания добра, пользы, справедливости, жалости и милосердия, ответственности и обязательств. В современном мире отказ от понимания ценности как цели, стоящей перед человеком и реализуемой в качестве требования, обращенного в первую

¹¹ См. Ренд А. Добродетель эгоизма. М., 2011.

очередь к собственной воле, восприятие ценности исключительно как источника удовольствия и удовлетворения потребностей является достаточно серьезным вызовом для человеческого в человеке.

Ключевые слова: *общество риска, индивидуализация, межличностное одиночество, антропологический шок, экзистенциальный кризис, дистанцирование, ценности самовыражения, разумный эгоизм*

ԿԱՐԻՆԵ ՅԱՐԱԼՅԱՆ – Արդի հասարակության սոցիալական գործընթացներն ու արժեքային կողմնորոշիչները – Արդի տեղեկատվական-տեխնոլոգիական փոփոխությունների արագացող տեմպերը խիստ արդիական են դարձրել սոցիալ-հոգեբանական հարմարման խնդիրը: Մարդը հայտնվել է ապակենտրոնացված, հարափոփոխ աշխարհում, որի դինամիկան մի կողմից վտանգավոր է, մյուս կողմից՝ գրավիչ: Այս պարագայում սեփական «շանս»-ի իրացումը հնարավոր է միայն բացառիկ ճկունություն և մոբիլություն դրսևորելու դեպքում, ինչը ենթադրում է, որ ժամանակակից մարդը պետք է վերախմաստավորի նաև իր արժեքային կողմնորոշումները: Պատահական չէ, որ ժամանակակից մարդու ինքնաներկայացման և ինքնակողմնորոշման պահանջը նրան մի կողմից մղում է ստեղծագործության ու նորարարության, մյուս կողմից՝ հոգատարության և համամասնակցության համատեքստում՝ հնարավորություն է տալիս հաստատելու բանական էգոիզմի համակարգը՝ որոշ չափով հաղթահարելով գոյության և պիտոյականության կապը:

Բանալի բառեր - *ոչսկի հասարակություն, անհատականացում, միջանձնային մենակություն, մարդաբանական ցնցում, էկզիստենցիալ ճգնաժամ, հեռականություն, ինքնարտահայտման արժեքներ, բանական էգոիզմ*

KARINE YARALYAN – Modern Society and Its Value Orientations. – The current pace of social and technological changes mainstreams the issue of social and psychological adaptation into society. A human being is propelled into a decentralized and constantly spinning around the world with its dynamics being dangerous, on the one hand, but still attractive, on the other hand. At the same time, it becomes increasingly obvious that, in this world, “taking one’s chance” isn’t possible unless everyone is extremely flexible and mobile, as well as capable to act as an independent social unit. All this has inevitably affected the value system of the modern man that, on the one hand, is guided by his own self-presentableness and stance of distance pointing towards the values of the creativeness-, knowledge- and innovation-associated self-expression, while on the other hand, within the context of co-implication and solicitude, is reinforced in the system of enlightened self-interest (or rational selfishness) with certain sublation of the connection between existence and oughtness.

Key words: *risk society, individualization, interpersonal loneliness, anthropologic shock, existential crisis, distancing, self-expression values, rational selfishness*